

ТИПОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ: МЕЖДУ ФРАГМЕНТОМ И СИСТЕМОЙ

А.Т. Жайлообаева, канд. филос. наук

А.А. Бекбоев, д-р филос. наук, профессор

К.К. Шаршеевич, д-р филос. наук

Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук Кыргызской Республики при Президенте Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-15-21

***Аннотация.** В статье проводится глубокий анализ типологии мышления с акцентом на динамическое взаимодействие между фрагментарным и системным восприятием информации. Рассматриваются четыре основных когнитивных типа – детализированное, системное, фрагментарное и метатеоретическое мышление – с детальным описанием их характеристик, преимуществ и уязвимостей. Особое внимание уделено методологии гегелевской диалектики как эффективному инструменту развития зрелого мышления, сочетающего аналитическую строгость и синтетическую целостность. В статье также, подчёркивается, что формирование развитого мышления требует сознательных усилий, критического самонаблюдения и постоянного интеллектуального труда. В контексте современной информационной перегрузки автор утверждает, что способность к системному и детализированному мышлению становится не только интеллектуальным достоинством, но и экзистенциальной необходимостью для личностного и культурного развития.*

***Ключевые слова:** типология мышления; когнитивные стили; системное мышление; фрагментарное мышление; гегелевская диалектика; интеллектуальное развитие; когнитивные стратегии; аналитическое мышление; синтетическое мышление; критическое мышление; познание.*

Мышление как основа познания и ориентации человека в мире представляет собой многоуровневый и разнородный процесс [1]. Однако степень его развитости и направленности может существенно различаться у разных людей. Эти различия проявляются, прежде всего, в способности к системному и детализированному осмыслению реальности. Предлагаемая типология основывается на перекрестии двух фундаментальных параметров мышления: системности (умения видеть и строить целостные структуры) и детализированности (способности воспринимать и анализировать отдельные элементы действительности) [2]. В результате их комбинации формируются четыре основных типа мышления, каждый из которых характеризуется своими когнитивными особенностями, сильными и слабыми сторонами.

Критерии типологии

Системность мышления предполагает способность субъекта видеть внутренние связи между явлениями, устанавливать причинно-следственные отношения, строить логически

непротиворечивые модели. Это мышление, ориентированное на целостность, структуру, динамику процессов.

Детализированность мышления, напротив, фокусируется на конкретике: фактах, эмпирических проявлениях, нюансах. Это мышление аналитического склада, склонное к углублённому рассмотрению частных аспектов и локальных проявлений.

Комбинация этих параметров даёт четыре типа мышления:

1. Детализированное, но несистемное мышление

Этот тип мышления отличается острой восприимчивостью к конкретным фактам, событиям и внешним признакам. Люди, обладающие таким ментальным складом, как правило, демонстрируют выдающуюся способность к запоминанию деталей, нюансов, эпизодов и мелких отличий. Они легко усваивают эмпирическую информацию, могут быть настоящими энциклопедистами в пределах конкретной темы: помнить точные даты, фамилии, географические координаты, состав

химических соединений или мельчайшие детали исторических событий. Их мышление хорошо приспособлено для накопления знаний, однако не всегда – для их осмысления и интеграции в более широкие смысловые структуры.

Основной особенностью детализированного, но несистемного мышления является неспособность к формированию цельной, иерархически организованной картины. Человек может изумлять глубиной информированности в частностях, но при этом теряться при необходимости осмыслить причины и следствия, выявить закономерности или сформировать концептуальную модель. Факты живут в его сознании как отдельные «островки», между которыми отсутствуют устойчивые мосты. Это мышление накапливает, но не синтезирует. Примером может быть историк или культуролог, который с лёгкостью воспроизводит даты династических браков, составы делегаций на дипломатических встречах, хроники локальных конфликтов или особенности региональных обрядов, но при этом затрудняется объяснить, как эти события связаны с макросоциальными трансформациями, изменениями в менталитете эпохи, сменой типов политического или религиозного сознания. Такая человек может описывать множество деревьев, но не видеть леса.

Детализированное мышление, не переходящее в аналитическое, часто подменяет понимание объёмом информации. Однако знание само по себе не является пониманием. Чтобы фрагменты приобрели смысл, необходимо уметь выстраивать связи между ними, классифицировать, иерархизировать и, что особенно важно, подвергать их критической рефлексии. В противном случае возникает иллюзия глубины, за которой скрывается не мышление, а механическое запоминание.

Психологически такие люди нередко ощущают тревогу при попытке выйти за пределы эмпирического и спекулировать на уровне обобщений. Концептуальное мышление вызывает у них либо недоверие, либо дискомфорт. Они склонны прибегать к внешним авторитетам – к мнению признанных экспертов, к «правильным» учебникам или «неопровержимым» фактам. Это делает их уязвимыми перед идеологическим манипулированием и псевдонаучными построениями, которые под

видом системы выдают набор грубых, но убедительных обобщений. В результате детализированное мышление, не поддерживаемое системным, может превратиться в базу для догматизма или интеллектуального конформизма.

Потенциальный риск данного типа мышления – неспособность к стратегическому прогнозированию, к постановке широких исследовательских задач, к переосмыслению уже накопленного материала. Люди с подобным мышлением нередко остаются в рамках обслуживающего интеллекта – исполнителей, архивариусов, комментаторов, но не создателей новых парадигм. Они чувствуют себя уверенно в известных координатах, но теряются, когда требуется шагнуть в неизвестное, сформулировать гипотезу или предложить оригинальную точку зрения. Однако при соответствующем развитии и поддержке такие люди могут играть незаменимую роль в исследовательских коллективах и интеллектуальных проектах: как носители богатейшей фактологической базы, они становятся живыми источниками информации, которую другие, более концептуально ориентированные мыслители, способны трансформировать в понимание, идеи и гипотезы. Таким образом, при грамотной координации и включении в более широкую мыслительную структуру детализированное мышление может стать опорой для интеллектуального роста.

2. Системное, но фрагментарное мышление

Люди этого типа отличаются ярко выраженной склонностью к построению теоретических конструкций, концептуальных схем, универсальных моделей и интерпретационных рамок. Их мышление стремится к выходу за пределы единичного и случайного – к постижению глубинных закономерностей, внутренней логики явлений и процессов. Такой ум обладает способностью видеть за пестротой частных случаев – структурное ядро, за внешним – внутреннее, за временным – вечное. Это мышление философов, теоретиков, идеологов, социологов, метафизиков – тех, кто способен преобразовывать хаос фактов в стройные, целостные системы понятий и значений.

Когнитивной доминантой здесь выступает стремление к целостности, системности и

упорядоченности. Мыслящий подобным образом человек воспринимает мир не как набор разрозненных эпизодов, а как текст, в котором всё подчинено логике, ритму, смыслу. Его задача – не просто знать, но понять как и почему, выявить структуры, которые не лежат на поверхности. Он склонен к абстракции, к обобщению, к метафизическому взгляду, в котором феномены теряют свою эмпирическую «телесность» и становятся носителями функций, ролей, смыслов в рамках более широкой системы. Однако именно эта сильная сторона может легко превратиться в уязвимость. Абстрактно-системное мышление при недостатке эмпирической опоры рискует утратить контакт с действительностью. Теории, лишённые проверки фактом, становятся схемами, в которых реальность подгоняется под заранее заданную логику. Начинает работать не мышление как способ понимания мира, а мышление как конструкция, в которую мир насильственно встраивается. Это порождает интеллектуальные псевдореальности, где изящные логические конструкции не подтверждаются ничем, кроме собственной стройности. Подобный тип мышления может рождать идеи, впечатляющие своей масштабностью, внутренней логикой и философской завершённой, но абсолютно неприменимые в конкретных социальных или политических условиях. Классический пример – идеолог или теоретик, конструирующий всеобъемлющую картину мира, в которой каждое явление занимает строго отведённое ему место, но при этом игнорирующий реальную динамику человеческих поступков, исторического контекста или экономических закономерностей. В его теории всё выглядит непротиворечиво, но при столкновении с эмпирией – рушится, как картонный домик.

Одной из характерных черт такого мышления является склонность к метанарративам – большим, объясняющим всё теориям, от религиозных до марксистских или технократических. Сила этих нарративов в их универсализме; слабость – в том, что они плохо приспособлены к описанию многообразия и изменчивости человеческой реальности. Там, где жизнь требует тонкой настройки, внимательного взгляда, гибкости, абстрактный мыслитель предлагает жёсткую рамку и «большую теорию». Это может быть эффек-

тивно в сфере пропаганды или философского дискурса, но губительно в прикладной практике.

Не менее опасным является соблазн интеллектуального самодовольства: абстрактные мыслители нередко ощущают презрение к «мелочам» – к деталям, исключениям, к эмпирии, считая её вторичной по отношению к идее. Но именно в этих деталях и проявляется сопротивление реальности. Без внимания к ним любая теория рискует превратиться в идеологию – то есть в систему мышления, озабоченную самосохранением, а не самокритичным поиском истины.

Тем не менее, при наличии обратной связи с эмпирическим материалом, критического сознания и способности к уточнению собственных схем, абстрактно-системное мышление может стать мощнейшим инструментом анализа и преобразования действительности. Оно создаёт каркас – скелет смысла, на который могут быть «нанезаны» факты. В связке с эмпирически-ориентированным подходом оно позволяет не просто описывать мир, но – понимать его и проектировать возможные альтернативы.

3. Несистемное и ригидно-фрагментарное мышление

Это наиболее уязвимый и ограниченный тип когнитивной ориентации, характеризующийся неспособностью как к восприятию сложных структур, так и к внимательной работе с деталями. Такие субъекты утрачивают и целое, и часть: они не видят ни широких взаимосвязей, ни тонких различий. Их мышление лишено внутренней организованности и когнитивной гибкости – оно подменяется набором штампов, готовых суждений, поверхностных ассоциаций, зачастую заимствованных из внешней информационной среды без малейшей критической обработки. Ключевая особенность этого типа – доминирование стереотипного и реактивного мышления. Вместо анализа – автоматическая реакция; вместо понимания – эмоциональное согласие или отторжение; вместо аргумента – шаблон. Мышление не столько функционирует, сколько *имитирует* мысль, производя ментальные конструкции, которые только внешне напоминают суждения, но при ближайшем рассмотрении оказываются пустыми, противоречивыми или логически невыдержанными. По-

добные умственные конструкции не формируются на основании реального опыта или рассуждения, а возникают как результат пассивного впитывания информационного шума: телевизионных ток-шоу, заголовков новостей, фрагментов чужого мнения. Они легко поддаются манипуляции, особенно в условиях массовой культуры, политической пропаганды или социальных кризисов, где предлагаются упрощённые, бинарные картины мира: «свои – чужие», «добро – зло», «простое решение – сложная проблема». Люди с ригидно-фрагментарным мышлением охотно принимают эти нарративы, поскольку они не требуют усилий понимания, не заставляют сомневаться, не предполагают внутренней работы мысли. Такая когнитивная лень делает их идеальной аудиторией для демагогов, популистов, конспирологов – всех, кто предлагает не истину, а удобный миф.

Отметим, что на психологическом уровне это мышление часто сопряжено с эмоциональной импульсивностью, категоричностью и неспособностью к саморефлексии. Устойчивость к критике сочетается с низкой терпимостью к неопределённости. Такие люди стремятся к немедленному, однозначному объяснению и потому склонны отвергать сложные, многозначные интерпретации реальности. Вследствие этого они становятся носителями интеллектуальной агрессии, нетерпимости, а иногда – коллективных иллюзий.

В наиболее острой форме такой тип мышления вырождается в когнитивную инфантилизацию, при которой человек полностью утрачивает способность к самостоятельному осмыслению событий и ситуаций. Он существует в мире готовых установок, часто противоречивых, но воспринимаемых как непреложная истина. Его аргументы строятся не на логике, а на «чувстве правоты», опыте окружения или слепом доверии к харизматическому источнику. Такой тип мышления особенно опасен тем, что, будучи массовым, он способствует формированию среды, в которой подлинная мысль становится невозможной.

Следует отметить, что подобная когнитивная ориентация – не врождённая, а формируется под воздействием среды, особенно в условиях информационной перегрузки, дефицита образования, социального давления и

страха перед сложностью. Именно страх – ключевой компонент: страх ошибиться, не понять, остаться один на один с неопределённым. И в этом страхе человек находит спасение не в мышлении, а в отказе от него.

Тем не менее, несмотря на всю уязвимость, такие когнитивные типы не обречены на интеллектуальную стагнацию. При грамотной образовательной работе, при включении в рефлексивные практики, при создании среды, где критическое мышление поощряется, даже ригидно-фрагментарное мышление может начать путь к становлению – к росту сложности, глубины, а значит – к подлинному мышлению.

4. Системное и детализированное мышление

Это высшая и наиболее интегрированная форма когнитивного развития, в которой достигается подлинный синтез – точность аналитического ума сочетается с масштабом синтетического охвата. Люди с данным типом мышления обладают способностью одновременно работать с фактами и контекстами, с частными деталями и общими законами, с конкретным опытом и абстрактной моделью. Их мышление отличается не только глубиной и широтой, но и *направленностью к истине*, а не к подтверждению уже имеющихся установок или эмоциональных предпочтений.

На уровне структурных характеристик системно-детализированное мышление проявляется в способности удерживать в сознании несколько уровней реальности: от эмпирических данных до философских категорий, от конкретной ситуации до её концептуального обоснования. Такие субъекты не просто собирают информацию или строят теории – они умеют их *согласовывать*, интегрируя знания в целостную картину, в которой элементы не теряют своей сложности, но обретают место и функцию [3].

Важнейшее свойство – когнитивная гибкость, заключающаяся в способности переосмысливать собственные интеллектуальные схемы в ответ на новые данные, контраргументы, противоречия. Эти мыслители свободны от догматизма, потому что они не отождествляют себя с любой одной системой взглядов: они видят *ограниченность* любой схемы и потому стремятся к постоянной работе над пределами мысли. Их мышление *ре-*

флексивно – то есть направлено не только на объект, но и на сам способ мышления: они мыслят о том, *как* они мыслят.

Этот тип предполагает постоянную внутреннюю дисциплину, диалог с различными формами знания – философией, наукой, искусством, историей – и умение преодолевать когнитивные иллюзии, включая иллюзию завершённого знания. Здесь мыслить – значит *бесконечно уточнять*, подвергать сомнению даже самые устоявшиеся представления, не боясь разрушить прежние конструкции ради построения более точных. В этом смысле системно-детализированное мышление глубоко этическое: оно требует честности перед собой, открытости к инакомыслию и отказа от интеллектуального комфорта.

Представители этого типа – философы, учёные, стратеги, визионеры, реформаторы – не просто создают идеи, они формируют интеллектуальные парадигмы, определяющие направления культурного, научного и исторического развития [4]. Их вклад не сводится к сумме достижений, поскольку они меняют сами способы мышления и восприятия мира. Именно благодаря их усилиям человечество совершает *скачки понимания*, выходит за пределы очевидного и привычного.

Однако следует подчеркнуть: этот тип мышления не возникает спонтанно. Он требует многолетней практики, воли к пониманию, умения мыслить в условиях сложности, неопределённости и сопротивления среды. Это не просто результат образования – это плод *интеллектуального аскетизма*, направленного на формирование ума, способного одновременно чувствовать детали и постигать целое.

В конечном счёте, системное и детализированное мышление – это не только когнитивный навык, но и форма существования: способ быть в мире не как потребитель знаний, а как его деятельный интерпретатор и преобразователь. В нём соединяются глубина мысли, интеллектуальная честность и подлинная внутренняя свобода – та редкая и драгоценная свобода, которая рождается в самой мысли и делает её подлинным актом человеческого достоинства.

5. Гегелевская диалектика как метод формирования развитого мышления

Диалектическая логика Георга Вильгельма Фридриха Гегеля представляет собой не просто теоретическую систему, а уникальный инструмент формирования мышления, способного одновременно к системной целостности и глубокой детализации [5]. В отличие от классической формальной логики, которая оперирует фиксированными категориями и законами идентичности, гегелевская диалектика – это живая логика движения и развития, процесс внутреннего становления понятий и явлений. В основе гегелевской логики лежит принцип противоречия – не как случайный сбой, а как двигатель развития [6]. Противоречие – это динамический конфликт, который не разрушает целое, а приводит к его отрицанию (в смысле преодоления) и последующему снятию – переходу на более высокий, качественно новый уровень. Это не просто смена состояний, а трансформация, где сохраняется и переосмысливается предыдущее, позволяя двигаться вперёд без потери внутренней связи.

Гегель мыслил онтологически: каждая категория – это не абстрактный фиксированный объект, а момент процесса развития целого, его стадия и одновременно предпосылка дальнейшего роста. Такое мышление требует от субъекта способности удерживать в сознании противоположности, видеть их не как тупик, а как движущую силу, а также осознавать диалектическую спираль становления, где каждое явление связано с предшествующими и последующими, и всё находится в бесконечном движении.

Изучение и практика гегелевской диалектики развивают в мышлении культуру внутренней сложности и гибкости. Она учит видеть частное в его непрерывном соотношении с общим и наоборот – видеть общее не как абстракцию, а как живое единство конкретных проявлений. Это мышление не боится противоречий, неопределённости и многоуровневости, а наоборот – питается ими, находит в них источник силы и движения.

Благодаря гегелевской диалектике развивается навык не просто накапливать знания или создавать статичные схемы, а создавать динамические, развивающиеся системы понимания, где анализ и синтез не противопоставлены, а работают в единстве. Такое мышление – основа для философов, учёных, стратегов и

лидеров, способных не только ориентироваться в сложном мире, но и влиять на его развитие, предлагая новые перспективы и решая противоречия.

Таким образом, гегелевская диалектика – это не только метод логики, но и ключ к формированию высокого уровня когнитивной зрелости, обеспечивающий способность мыслить глубоко, широко и творчески, преодолевая поверхностность и упрощения. Это путь к тому, чтобы мышление стало подлинным актом свободы и ответственности, способным встречать вызовы времени с ясностью и силой.

Заключение

Понимание различных типов мышления – это не просто интеллектуальная игра, а фундаментальный шаг на пути к подлинному самопознанию и системному интеллектуальному развитию. Осознание собственных когнитивных склонностей, сильных и слабых сторон мышления открывает возможность не только более глубокого и критического осмысления окружающей реальности, но и построения осознанной стратегии личностного и профессионального роста. В эпоху, когда

информационный поток становится лавиной, а сложность мира нарастает с беспрецедентной скоростью, способность к системному и детализированному мышлению превращается в неотъемлемое интеллектуальное преимущество и одновременно – в экзистенциальную необходимость.

Зрелое мышление – это не врождённый дар или случайное благословение судьбы, а результат сознательного, дисциплинированного и зачастую напряжённого труда над собой. Оно требует постоянной работы, критического самоанализа и открытости к новым знаниям и опыту. Тот, кто готов взяться за эту задачу, получает не только инструменты для преобразования собственного сознания, но и возможность стать активным творцом культурного пространства, в котором он живёт.

Таким образом, развитие мышления – это ключ к расширению горизонтов понимания мира и собственного места в нём, а также к формированию личности, способной достойно и ответственно отвечать на вызовы современности. Это путь к свободе мысли и действия, который делает человека не просто наблюдателем, но созидателем реальности.

Библиографический список

1. Ниязимбетов М.К., Алланазарова Б.Ж. Системное мышление в познании // Наука и общество. – 2020. – № 4. – С. 34-36.
2. Панов А.В., Федорова М.А. Формирование системного мышления // Омский научный вестник. – 2014. – № 4 (131). – С. 162-165.
3. Тогусаков О.А., Бекбоев А.А., Карабукаев К.Ш. Слово, язык и сознание // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 3-1 (102). – С. 312-317.
4. Алымкулов З.А., Бекбоев А.А., Карабукаев К.Ш. Футурология. Мораль. Вселенная. – Бишкек, 2023. – 257 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики – М.: Мысль, 1998.

TYOLOGY OF THINKING: BETWEEN FRAGMENT AND SYSTEM

A.T. Zhailoobaeva, *Candidate Of Philosophical Sciences*

A.A. Bekboev, *Doctor of Philosophical Science, Professor*

K.K. Karabukaev, *Doctor of Philosophical Science*

**Institute of Philosophy named after academician A.A. Altmyshbayev of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic under the President of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)**

***Abstract.** This article provides an in-depth analysis of the typology of thinking, focusing on the dynamic interaction between fragmented and systematic perception of information. Four main cognitive types are examined—detailed, systemic, fragmented, and metatheoretical thinking—with a thorough description of their characteristics, advantages, and vulnerabilities. Particular attention is paid to the methodology of Hegelian dialectics as an effective tool for developing mature thinking that combines analytical rigor and synthetic wholeness. The article also emphasizes that the development of advanced thinking requires conscious effort, critical self-reflection, and constant intellectual work. In the context of modern information overload, the author argues that the ability to think systematically and in detail is becoming not only an intellectual asset but also an existential necessity for personal and cultural development.*

***Keywords:** typology of thinking; cognitive styles; systematic thinking; fragmented thinking; Hegelian dialectics; intellectual development; cognitive strategies; analytical thinking; synthetic thinking; critical thinking; cognition.*